

УДК 316.2

Р. Р. Агишев

ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга»,

Саранск, Россия,

e-mail: agishev2019@gmail.com

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ РОССИЙСКОЙ КОРРУПЦИИ: ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ТАБУИРОВАНИЯ К ИНСТРУМЕНТУ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена особенностям становления социологического мониторинга коррупции в России. Выделены и охарактеризованы периоды в эмпирическом и теоретическом изучении коррупционных процессов в стране. Раскрыты и охарактеризованы особенности каждого из периодов. В начале XX в. в рамках социологии чиновничества рассматривались специфичные для нашей страны феномены мздоимства и взяточничества. В годы советской власти коррупционная проблематика звучала исключительно в контексте криминалистических исследований, что существенно ограничивало поле ее изучения и потенциал комплексного анализа. В 1990-е гг. на оформление социологии коррупции влияли два параллельно действовавших процесса: непрерывное накопление практических данных о коррупционных явлениях в обществе и государстве и отработка широкого спектра методических приемов и методов социологической науки. В первое десятилетие 2000-х гг. социология коррупции в России вошла со значительным объемом накопленных знаний, включающих в себя как опыт по проведению масштабных исследований коррупционных явлений, так и большой объем эмпирических данных о сущности и характере российских коррупционных процессов. Детально анализируются попытки государства сделать социологические методы измерения коррупции частью государственного управления, что сопровождается организационными и методическими ограничениями (в частности, отсутствуют единые подходы к оценке коррупции). В результате, автор делает вывод о необходимости глубокого теоретизирования накопленных знаний о феномене российской коррупции, что в конечном счете позволит сконструировать федеральные и региональные модели развития коррупции и предложить объективно обусловленные и действенные механизмы противодействия ей.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные процессы, социология коррупции, мониторинг, антикоррупционная политика.

R. R. Agishev

Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution,
Saransk, Russia,
e-mail: agishev2019@gmail.com

SOCIOLOGICAL MONITORING OF RUSSIAN CORRUPTION: FROM IDEOLOGICAL TABOO TO THE INSTRUMENT OF STATE REGULATION

Annotation. Article is devoted to development of a system of sociological monitoring of corruption in Russia. The periods in studying of corruption processes in the country are allocated. At the beginning of the 20th century the research of corruption consisted in studying of bribery among the Russian officials. In the period of the Soviet power corruption was a subject of exclusively criminological researches. In the 1990th two processes had an impact on development of sociology of corruption: accumulation of practical data on the corruption phenomena in society and state and working off of methodical sociological methods. By first decade of the 2000th serious experience on carrying out large-scale researches of the corruption phenomena and the large volume of empirical data on essence of corruption processes was accumulated. The conclusion is drawn on need of deep theorizing of the accumulated knowledge of a phenomenon of the Russian corruption that will allow to build federal and regional models of development of corruption and to offer effective mechanisms of anti-corruption. Attempts of the state to make sociological methods of measurement of corruption a part of public administration that is followed by organizational and methodical difficulties are considered.

Keywords: corruption, corruption processes, corruption sociology, monitoring, anti-corruption policy.

Появление и институционализация социологии коррупции как научного направления обусловлены не только развитием самой социологической теории и выделением из нее различных направлений, но и повышением уровня и интенсивности глобальных и региональных коррупционных процессов, оказывающих влияние на различные сферы деятельности — начиная от экономики и заканчивая политикой.

Понимание необходимости изучения коррупционных практик привело к появлению пула исследований, свидетельствующих как о неоднородности коррупционного поведения в различных регионах [5, с. 3], так и существенном запаздывании правового и научного осмысления тех изменений, которые сопровождают коррупционные явления и процессы [8, с. 3]. При этом особенно остро ощущается потребность в юридическом толковании новых преступлений коррупционной направленности, в измерении экономических и социальных издержек от принимаемых мер по противодействию коррупции и взяточничеству, в анализе специфических особенностей поведения субъектов коррупционных взаимоотношений в новых условиях.

В рамках настоящей статьи будет рассмотрен процесс оформления социологии коррупции как самостоятельной субдисциплины со свойственной ей объектом, предметом и методологией, а также выделены проблемы и перспективы подобного рода исследований в современном российском обществе.

Первый этап становления и развития социологии коррупции, или, точнее, протосоциологии коррупции, связан с изучением таких коррупционных практик как мздоимство и взяточничество, их социокультурных особенностей, типичных для нашего государства [3, с. 84]. Подобные исследования велись вплоть до 20-х гг. XX в. с применением широкого арсенала социологических методов — статистического и биографического анализа, анкетирования и т.д. В основном данной проблематикой занимались видные представители социологии чиновничества, такие как В. О. Ключевский, А. Д. Градовский, Б. Н. Чичерин, П. Берлин и т. д. В результате в их работах были сформулированы важные для последующего анализа выводы о природе взяточничества в Российской империи: во-первых, подкуп административного лица — это давняя традиция российского общества, насчитывающая несколько столетий истории; во-вторых, причины распространения взяточничества связаны с крайней материальной нуждой российских чиновников и лояльностью вышестоящей власти [4].

Впрочем, на этом этапе говорить о развитии социологии коррупции приходится в контексте использования социологических методов исследования для изучения лишь одного, пусть и важного, аспекта коррупции — взяточничества в государственном аппарате.

Второй этап развития социологии коррупции приходится на годы правления советской власти и связан, в первую очередь, с криминологическим изучением коррупционных явлений. В этот период исследования были прочно табуированы для объективного научного осмысления, позволительными становятся только фельетоны в адрес провинившихся руководителей мелкого и среднего звена. В частности, по мнению некоторых исследователей, своеобразным «социологическим» журналом в нашей стране долгое время являлось сатирическое издание «Крокодил», на страницах которого рассказывалось многое из того, о чем официальная пресса предпочитала умалчивать [4].

Тем не менее, советскими исследователями, в первую очередь, юристами (например, Г. А. Аванесовым, Д. И. Аминовым, Б. В. Волженкиным, Г. И. Гальпериным и др.) были разработаны и успешно внедрены в правоохранительную практику криминально-диагностические методы изучения социального облика преступника. В частности, для раскрытия личностных особенностей преступников, совершивших преступления коррупционного характера, активно применялись социологические инструменты.

Говорить об автономизации отрасли социологического измерения коррупции приходится лишь к концу 90-х гг. XX в., когда российская социологическая наука полностью освободилась от идеологического давления и

получила доступ к зарубежным исследовательским практиками, рассматривающим коррупцию как комплексный феномен.

Третий период развития социологии коррупции (1991–2007 гг.) приходится на проведение первых общероссийских репрезентативных социологических исследований по данной проблематике такими крупными поллстерскими организациями как ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР, Левада-Центр, ИНДЕМ и др. Примерно в это время складывается региональная сеть исследовательских центров по проведению социологических исследований, где отрабатываются наиболее эффективные методы замера общественного мнения по отношению к коррупции и антикоррупционной политике, складывается институциональное понимание предмета и объекта исследования, пересматриваются методические подходы. Как отмечается в коллективной монографии «Российская коррупция: уровень, структура, динамика», выполненной сотрудниками ИНДЕМ по результатам серии масштабных социологических исследований коррупционных явлений и процессов в 2001–2010 гг., за этот период были подтверждены валидность и применимость используемой методологии как для изучения коррупции, так и для практических целей диагностики и мониторинга коррупции [14, с. 738].

Проводимые в этот период общероссийские исследования вопросов коррупции приобретают мониторинговый и прикладной характер [7, с. 160]. Доля последних, как в стоимостном, так и в количественном выражении существенно превалирует над фундаментальными исследованиями, что рядом исследователей трактуется как существенный недостаток в практике социологических исследований коррупционных процессов. В частности, Н. П. Романова и В. С. Дробышевский отмечают, что ориентация социологических исследований исключительно на количественное уточнение субъективных характеристик приводит к деградации самой социологии коррупции, поскольку «это не способно дать качественно нового результата, открыть важные изменения в таком сложном и постоянно изменяющемся явлении, как коррупция» [13, с. 81]. В еще более негативном ключе рассуждает Г. А. Сатаров, который говорит даже не о деградации социологии коррупции, а о ее полном отсутствии в российской науке как таковой (на момент начала 2000-х гг.). Появляющееся сейчас огромное число описательных социологических работ по теме коррупции, подчеркивает он, совершенно не указывает на существование социологии коррупции как отдельного научного направления, так как все эти работы не объединены следующими чертами — единым «научным сообществом, общими представлениями об объекте и предмете исследования, принятой системой понятий, общими представлениями об известном и неизвестном» [16, с. 146].

В определенной степени с Г. А. Сатаровым можно согласиться в том, что в качестве отдельного научного направления социология коррупции к рубежу 1990–2000 гг. еще только начала оформляться. Появившийся со сломом идеологических границ огромный пласт научных работ, посвященных изучению

феномена коррупции в историческом, криминологическом, психологическом и др. аспектах, был настолько неоднороден по своему составу, противоречив по содержанию и непоследователен по предлагаемым выводам, что говорить о единой объединяющей их концептуальной и методологической базе не приходится. О зачаточном состоянии социологии коррупции, как отдельного отраслевого научного направления социологии, говорили и следующие ее черты: 1) недостаточно высокое теоретизирование получаемых эмпирических данных; 2) нацеленность всего инструментария исследований на взяточдателя при декларируемой в качестве основной цели, прежде всего, изучении взяточполучателя; 3) существенный уклон исследований в сторону изучения деловой коррупции; 4) доминирование концептуальных моделей коррупционного поведения, взятой из экономической науки.

Говоря о развитии социологии коррупции в России на рубеже 1990–2000 гг. нельзя обойти вниманием и такой инструмент мониторинга глобальных коррупционных процессов, как международные рейтинги коррупции, санкционированные крупнейшими международными финансовыми организациями (Мировой банк, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития) и формировавшиеся на основании специализированных социологических исследований, в том числе и на территории России. Как правило, они все чаще используются для оценки эффективности государственного управления в нашей стране, хотя все большее число исследователей заявляют о методических проблемах при их составлении. В частности, В. А. Руденкин заявляет о том, что в международных рейтингах различным образом трактуется коррупция и формы ее проявления, не учитываются национальные особенности коррупции, при этом оценки уровня коррупции носят ограниченный характер, а результаты далеко не всегда объективны [15, с. 26]. Более того, по мнению О. В. Панченкова и И. Б. Олимпиевой, активное продвижение такого рода рейтингов является «одним из краеугольных камней, делающих возможным существование соответствующего “западного” дискурса о коррупции и придающих ему ауру объективности и научной обоснованности» [9, с. 10].

Высказываемые в российском исследовательском сообществе сомнения в объективности формируемых западными аналитическими агентствами международных рейтингов коррупции позволяют говорить о необходимости создания национального рейтинга коррупции или национальной системы оценки уровня коррупции, основанной на унифицированной на законодательном уровне методологии, открытой для исследовательского сообщества системы оценки мест рейтинга.

Четвертый период (2008–2018 гг.) характеризуется дальнейшим развитием качественного и количественного потенциала отечественного исследовательского сообщества, занимающегося исследованием феномена коррупции и взяточничества. Их анализ становится модным и востребованным трендом, что приводит к появлению целого пласта диссертационных

исследований, изучающих коррупцию в уголовно-правовом, криминологическом, конституционном, административном, международном, социологическом, культурологическом и национальном контекстах [1, с. 33]. Например, согласно библиографическому указателю, составленному Владивостокским центром по изучению организованной преступности, только за 2010–2012 гг. вышло почти в три раза больше научных и публицистических материалов о коррупции, чем за все предшествующие постсоветские годы [2, с. 89].

Значимым для дальнейшего развития социологии коррупции в указанный период является появление серьезных исследований, анализирующих коррупционные процессы и явления с позиции социологической науки (М. В. Шедий, Н. А. Ахметова и др.). Основываясь на широком эмпирическом материале, исследователи делают вывод о трансформации коррупции из социального явления в социальный институт, что сопровождается обретением новых функций, усложнением коррупционных связей, выработкой, неофициальным закреплением и дальнейшей ретрансляцией специфических правил [19, с. 14].

В деятельности крупнейших российских социологических исследовательских агентств продолжается период активного накопления практических данных об особенностях эволюции коррупции в России посредством проведения масштабных мониторинговых исследований. В то же время, следует заметить, что проводимые исследования, несмотря на разнообразные методологические подходы, не позволяют охватить все многообразие спектра коррупции. Вне фокуса внимания ведущих социологических служб остается корпоративная коррупция, коррупция внутри органов власти, коррупция в криминальном бизнесе, коррупция в крупном бизнесе [14, с. 48].

На развитие социологии коррупции в этот же период оказало влияние и создание системы государственного социологического мониторинга общественного мнения российских граждан по целому ряду социально значимых вопросов, среди которых выделяются проблемы коррупционного поведения. В частности, Указом Президента РФ от 14 ноября 2017 г. № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» вводится перечень из 24 показателей, из которых шесть (в том числе и имеющий отношение к уровню коррупции) формируются с помощью социологического инструментария [17].

В результате к 2019 г. в каждом из российских регионов ежегодно проводится несколько масштабных социологических исследований коррупционной тематики, результатами которых отчитываются перед федеральным центром Глава региона, а также профильные министерства и ведомства. Так, в результате ежегодного социологического замера в Республике Мордовия вычисляются следующие показатели: «доля жителей субъекта Российской Федерации, столкнувшихся с проявлением коррупции», «доля

жителей субъекта Российской Федерации, столкнувшихся с проявлением коррупции при оказании государственных и муниципальных услуг», «доля предпринимателей субъекта Российской Федерации, столкнувшихся с проявлениями коррупции» [11] и т. д.

В настоящее время в русле формирования комплексной системы государственного социологического мониторинга вопросов коррупции и взяточничества внимание государства в лице его уполномоченных органов нацелено на создание единой методологической базы проводимых в стране социологических исследований коррупционной тематики. Сегодняшняя ситуация в этой сфере характеризуется тем, что отсутствуют одинаковые для всех методологические подходы к организации такого рода исследований и каждый регион проводит опросы по своим собственным оригинальным методикам. Например, в нескольких субъектах федерации, численность, экономическое и социальное положение которых примерно одинаково, исследования могут проводиться в соответствии с совершенно разными подходами. Так, при проведении исследования коррупции и взяточничества в 2018 г. в Республике Мордовия (численность региона — 795 502 чел. на 2019 г.) было опрошено 384 респондента и задано 9 вопросов, в Республике Марий Эл (680 397 чел. на 2019 г.) опрошено 777 респондентов и задано 50 вопросов [12]. Вследствие этого при сравнении ключевых критериев, характеризующих региональные особенности развития коррупции, возникают обоснованные сомнения в релевантности используемых методик и их компаративном потенциале.

Для исправления сложившейся ситуации в середине 2018 г. Министерством экономического развития РФ был разработан проект единой методики проведения социологических исследований коррупционной тематики, согласно которому для всех регионов вводится:

- единый порядок проведения социологического исследования;
- единая формализованная анкета с неизменяемым базовым набором параметров — вопросов;
- градация численности опрашиваемых в каждом из регионов.

Следует заметить, что столь знаковое повышение статуса социологических исследований до инструмента непосредственного государственного управления отдельными исследователями связывается с тем, что тематика коррупции и взяточничества в последние годы «из проблемы социальной и экономической превратилась в проблему политическую» [2, с. 89]. Это изменение находит свое отражение и в постоянном обращении к этой теме в телевизионных передачах, специализированных сайтах, блогах, интернет-каналах, социальных сетях и т. д., с помощью которых, как показывают события на Болотной площади в Москве в 2012 г., на Майдане в Киеве в 2014 г., на Елисейских полях в Париже в 2019 г., можно с легкостью рекрутировать значительное число граждан на участие в акциях неповиновения. При этом люди далеко не всегда могут поддерживать организаторов подобного рода мероприятий, наибольшим консолидирующим

потенциалом обладают именно лозунги о борьбе с проявлениями коррупции в высших эшелонах власти, и особенно эти идеи популярны среди молодежи, достаточно остро реагирующей на социальную несправедливость в обществе [18, с. 128]. Вследствие этого, решение коррупционных вопросов становится залогом выживания власти, что заметно повысило ценность получаемой социологической информации, позволяющей не только сделать ценностный срез, но и построить определенные прогнозы.

В тоже время, говоря о пристальном внимании власти к результатам социологических исследований коррупционной тематики и превращении таких исследований в инструмент управления, необходимо помнить следующее. Во-первых, социологические исследования, несмотря на всю широту используемых методов, оценивают не реальное (фактическое) состояние феномена коррупции, а выявляют субъективную оценку общества по данному вопросу. В этой связи, как подчеркнул председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет» К. В. Кабанов, «такие исследования не покажут полной картины, но могут быть эффективны в качестве дополнительного среза в рамках общей антикоррупционной стратегии» [6]. Вследствие этого, социологические методы исследования будут наиболее востребованы при исследовании феномена коррупции в комплексе с другими методами и приемами.

Во-вторых, несмотря на несомненные успехи социологической науки в изучении и прогнозировании явлений и событий, в том числе и знаковых для государства и общества, сохраняются шансы получения ошибочных или не в полной мере объективных результатов. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить о целом ряде несбывшихся социологических прогнозов американских исследовательских агентств, которые в разгар гонки за место в Белом доме беспечливо пророчили Х. Клинтон победу в выборах [5]. Сохранение возможности получения ошибочных результатов при исследовании такого сложного и противоречивого феномена, как коррупция, актуализирует дальнейшее совершенствование традиционных и внедрение современных методов и приемов изучения общественного мнения, повышающих объективность получаемых результатов.

Таким образом, социология коррупции как отдельное научное направление со своими методами и специфическим подходами, оформилось сравнительно недавно. Ее развитие происходило в период совершенно новых социально-экономических и политических реалий, когда происходил дрейф от «дикого» капитализма 1990-х гг. к олигархическому капитализму 2000-х гг. Коррупционная проблематика все чаще становится объектом кандидатских и докторских работ по социологии, исследований крупных российских социологических исследовательских центров; продолжается активное накопление эмпирических данных о коррупционных явлениях в российских регионах. Тем не менее, пристальный интерес к ней не привел к качественным изменениям в теории и практике изучения феномена коррупции, обернувшись

превалирующим ростом описательных исследований. По-прежнему ощущается катастрофическая нехватка фундаментальных работ, которые не столько констатируют сформировавшиеся особенности коррупционных моделей, сколько предлагают собственные оригинальные концепции и теории развития российского своеобразия.

В последнее десятилетие социологическое измерение коррупции становится инструментом государственного управления, нормативно закрепляясь в качестве одного из методов оценки эффективности государственного управления. Последнее позволяет говорить о потребности в формировании единых методологических подходов к оценке коррупционных явлений в рамках всей страны.

Библиографический список

1. *Астанин В. В.* Мониторинг диссертаций по антикоррупционной тематике: примеры и проблемы качества // Мониторинг правоприменения. 2015. №2. С.32-44.
2. *Бляхер Л. Е., Пегин Н. А.* Коррупция как политическая проблема: кто, как и зачем сражается с коррупцией в России? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2012. №4. С.89-103.
3. *Быстрова А. С., Сильвестрос М. В.* Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т.3. №1. С.83-101.
4. *Голосенко И. А.* Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2. Вып. 3. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1999/3/6golosenko.html> (дата обращения 4.04.2019)
5. *Ирхин Ю. В.* Выборы 45-го Президента США: ключевые особенности, технологии, результаты // RANDI. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-45-go-prezidenta-ssha-klyuchevye-osobennosti-tehnologii-rezultaty> (дата обращения 6.02.2019).
6. Коррупцию измерят по науке // Информационный портал «Газета Известия» URL: <https://iz.ru/775115/marina-iurshina-angelina-galanina/korruptciiu-izmeriat-po-nauke> (дата обращения 10.02.2019).
7. *Кравцова М. В.* Межстрановой анализ рыночной и сетевой коррупции: факторы, последствия, взаимосвязь: автореф. канд. соц. наук.: 22.00.03- Экономическая социология и демография. Москва, 2014. 22 с.
8. *Мироненко Л. А.* Аудитория, общественность: традиция исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №7 (13). С.158-161.
9. *Панченков О. В., Олимпиева И. Б.* Коррупция, антикоррупция и позиция социального ученого (предисловие редакторов) // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. Сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Панченков. Спб, 2007. 234 с.
10. *Паршин И. С.* Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. диссер. канд. юр. наук. : 12.00.08. Нижний Новгород, 2014. 37 с.
11. Постановление Правительства Республики Мордовия от 23 декабря 2013 г. №578 «Об утверждении государственной программы Республики Мордовия "Противодействие коррупции в Республике Мордовии" на 2014-2020 года» (с изменениями на 31 августа 2018 г.) URL: <http://docs.cntd.ru/document/410803728> (дата обращение 8.02.2019).

12. Результаты социологического исследования по оценке уровня коррупции в Республике Марий Эл в 2018 г. // Портал «Государственная гражданская служба Марий Эл» URL: http://mari-el.gov.ru/publicservice/Pages/soc_anticorrupt.aspx (дата обращения 8.02.2019).
13. Романова Н. П., Дробышевский В. С. Коррупция: новые подходы // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. №12 (91). С.80-88.
14. Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа. М., 2013. 752 с.
15. Руденкин В. Н. Проблема измерения коррупции: возможны ли объективные международные рейтинги? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. №2(39). С. 22-31.
16. Сатаров Г. А. Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Россия и современный мир. 2003. №4(41). С. 146-153.
17. Указ Президента РФ от 14 ноября 2017 г. №548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709662/> (дата обращения 12.02.2019).
18. Ушкин С. Г. Протесты и протестующие провинциального города: как к ним относится население? // Власть. 2017. №11. С. 123–129.
19. Шедий М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: автореф. дисс. док. социолог. Наук. 22.00.04. М., 2014. 393 с.

References

1. Astanin V. V. Monitoring dissertacij po antikorrupcionnoj tematike: primery` i problemy` kachestva (Monitoring of theses on anti-corruption subject: examples and problems of quality) // Monitoring pravoprimereniya. 2015. №2. S.32-44.
2. Blyaxer L. E., Pegin N. A. Korrupciya kak politicheskaya problema: kto, kak i zachem srazhaetsya s korrupciej v Rossii? (Corruption as political problem: who as well as why battles against corruption in Russia?) // Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz. 2012. №4. S.89-103.
3. By`strova A. S., Sil`vestros M. V. Fenomen korrupcii: nekotory`e issledovatel`skie podxody` (Corruption phenomenon: some research approaches) // Zhurnal sociologii i social`noj antropologii. 2000. T.3. №1. S.83-101. S.84
4. Golosenko I. A. Fenomen «russkoj vzyatki»: ocherk istorii otechestvennoj sociologii chinovnichestva (Phenomenon of "Russian bribe": sketch of history of domestic sociology of officials) // Zhurnal sociologii i social`noj antropologii. 1999. T.2. Vy`p. 3. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1999/3/6golosenko.html> (data obrashheniya 4.04.2019)
5. Irxin Yu. V. Vy`bory` 45-go Prezidenta SShA: klyuchevy`e osobennosti, texnologii, rezul`taty` (Elections of the 45th U.S. President: key features, technologies, results) // RANDI. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-45-go-prezidenta-ssha-klyuchevye-osobennosti-tehnologii-rezultaty> (data obrashheniya 6.02.2019).
6. Korrupciyu izmeryat po nauke (Corruption will be measured on science) // Informacionny`j portal «Gazeta Izvestiya» URL: <https://iz.ru/775115/marina-iurshina-angelina-galanina/korrupciyu-izmeriat-po-nauke> (data obrashheniya 10.02.2019).
7. Kravczova M. V. Mezhsranovoj analiz ry`nochnoj i setevoj korrupcii: faktory`, posledstviya, vzaimosvyaz` : avtref. kand. soch. nauk.: 22.00.03- E`konomicheskaya sociologiya i demografiya (Intercountry analysis of market and network corruption: factors, consequences, interrelation). Moskva, 2014. 22 s.
8. Mironenko L. A. Auditoriya, obshhestvennost` : tradiciya issledovaniya (Audience, public: tradition of a research) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki. 2011. №7 (13). S.158-161.

9. Panchenkov O. V., Olimpieva I. B. Korrupciya, antikorrupciya i poziciya social'nogo uchenogo (predislovie redaktorov) (Corruption, anti-corruption and position of the social scientist (preface of editors)) // Bor`ba s vetryany`mi mel`niczami? Social`no-antropologicheskij podxod k issledovaniyu korrupcii. Sost. i otv. red. I.B. Olimpieva, O.V. Panchenkov. Spb, 2007. 234 s.
10. Parshin I. S. Protivodejstvie korrupcii: ugovovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: avtoref. disser. kand. jur. Nauk. : 12.00.08 (Anti-corruption: criminal and criminological research). Nizhnij Novgorod, 2014. 37 s.
11. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Mordoviya ot 23 dekabrya 2013 g. №578 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` Respubliki Mordoviya " Protivodejstvie korrupcii v Respublike Mordovii" na 2014-2020 goda» (s izmeneniyami na 31 avgusta 2018 g.) (The resolution of the government of the Republic of Mordovia of December 23, 2013 No. 578 "About the approval of the state program of the Republic of Mordovia' 'Anti-corruption in the Republic of Mordovia" for 2014-2020" (with changes for August 31, 2018)). URL: <http://docs.cntd.ru/document/410803728> (data obrashhenie 8.02.2019).
12. Rezul'taty` sociologicheskogo issledovaniya po ocenke urovnya korrupcii v Respublike Mari E`l v 2018 g. (Results of a sociological research on corruption level assessment in Mari Al's Republic in 2018.) // Portal «Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba Mari E`l» URL: http://mari-el.gov.ru/publicservice/Pages/soc_anticorrupt.aspx (data obrashheniya 8.02.2019).
13. Romanova N. P., Droby`shevskij V. S. Korrupciya: novy`e podxody` (Corruption: new approaches) // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarsvtennogo universiteta. 2012. №12 (91). S.80-88.
14. Rossijskaya korrupciya: uroven`, struktura, dinamika. Opy`t sociologicheskogo analiza (Russian corruption: level, structure, dynamics. Experience of the sociological analysis). M., 2013. 752 s.
15. Rudenkin V. N. Problema izmereniya korrupcii: vozmozhny` li ob`ektivny`e mezhdunarodny`e rejtingi? // Vestnik Ural'skogo instituta e`konomiki, upravleniya i prava. 2017. №2(39). S. 22-31.
16. Satarov G. A. Nekotory`e zadachi i problemy` sociologii korrupcii (Some problems and problems of sociology of corruption) // Rossiya i sovremenny`j mir. 2003. №4(41). S. 146-153.
17. Ukaz Prezidenta RF ot 14 noyabrya 2017 g. №548 «Ob ocenke e`ffektivnosti deyatel`nosti organov ispolnitel'noj vlasti sub`ektov Rossijskoj Federacii» (Decree of the Russian President of November 14, 2017 No. 548 "About assessment of efficiency of activity of executive authorities of territorial subjects of the Russian Federation") // Informacionno-pravovoj portal «GARANT.RU» URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709662/> (data obrashheniya 12.02.2019).
18. Ushkin S. G. Protesty i protestuyushchie provincial'nogo goroda: kak k nim odnositsya naselenie? (Attitude of the population to the protests in the provincial city) // Vlast'. 2017. №11. S. 123–129.
19. Shedij M. V. Korrupciya kak social`noe yavlenie: sociologicheskij analiz: avtoref. diss. dok. sociolog. Nauk. 22.00.04 (Corruption as social phenomenon: sociological analysis). M., 2014. 393 s.

Сведения об авторе

Агишев Руслан Ряфатович — ведущий научный сотрудник отдела мониторинга правовых процессов ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», кандидат исторических наук. Занимается изучением региональных коррупционных процессов, вопросов межнационального согласия в полиэтничном регионе. Автор более 30 научных работ.

E-mail: agishev2019@gmail.com

About the author

Agishev Ruslan Ryafatevich — the leading researcher of department of monitoring of legal processes of Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, the candidate of historical sciences. Is engaged in studying of regional corruption processes, questions of interethnic concord in the polyethnic region. Author more than 30 scientific works.

E-mail: agishev2019@gmail.com